

ОСТРОВ

страстей

МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина

Остров страстей

«Автор»

2026

Вагина М.

Остров страстей / М. Вагина — «Автор», 2026

Когда муж уходит к молодой женщине, Марина ждёт боли, слёз и отчаяния. Но чувствует совсем другое — облегчение. В сорок два года она впервые остаётся наедине с собой и понимает: прежняя жизнь была красивой клеткой. Случайный совет приводит её на закрытый тропический остров, где не принято задавать лишние вопросы и никто не требует быть «правильной». Здесь живут по собственным правилам, говорят то, о чём обычно молчат, и позволяют себе желания, которых прежде стыдились. Кира, загадочная хозяйка острова, знает цену чужим тайнам. Света пугает своей свободой. А Данил — моложе, дерзче и опаснее всех мужчин, которых Марина знала, — становится для неё испытанием, от которого невозможно отмахнуться. Но чем ярче разгорается страсть, тем труднее отличить освобождение от бегства. Остров меняет людей, но ничего не обещает взамен. Марине придётся решить: вернуться к знакомой безопасности или выбрать жизнь, в которой она наконец принадлежит самой себе.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
Футляр	5
ГЛАВА 2	8
Жемчуга и пустота	8
ГЛАВА 3	11
Без слёз	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Остров страстей

ГЛАВА 1

Футляр

Марина проснулась в шесть тридцать, хотя будильник был поставлен на семь. Так всегда: тело просыпалось раньше, словно боялось опоздать на казнь. Она лежала на спине, смотрела в потолок — белый, ровный, без трещин — и слушала дыхание Игоря. Он спал на боку, отвернувшись, и дышал ровно, как метроном. Двадцать лет они спали в одной кровати, и она могла бы нарисовать по памяти каждую складку на его пижаме.

Встала тихо, чтобы не разбудить. Прошла в ванную босиком, по паркету, который скрипел в двух местах — у двери и под окном. Включила свет. Зеркало показало ей лицо сорокалетней женщины с аккуратной стрижкой до плеч, без морщин (косметолог раз в три месяца), с усталыми глазами. Она посмотрела на себя и ничего не почувствовала. Ни отвращения, ни жалости. Просто лицо. Просто женщина, которая каждое утро умывается холодной водой, наносит крем и чистит зубы ровно две минуты.

Игорь встал в семь, как по расписанию. Вышел из спальни уже одетым — серый костюм, белая рубашка, галстук в тонкую полоску. Он всегда одевался в спальне, за закрытой дверью, и Марина не видела его голым уже лет пять. Может, больше. Она не помнила.

— Доброе утро, — сказал он, проходя мимо на кухню.

— Доброе, — ответила она.

Она поставила кофе в турке, достала из холодильника масло, сыр, нарезала хлеб. Игорь сидел за столом, листал телефон. Они завтракали молча. Он пил кофе без сахара, ел бутерброд с сыром, вытирал губы салфеткой. Она пила чай, смотрела в окно. Из окна была видна Тверская — машины, люди, весь этот московский муравейник, который начинал шевелиться с первыми лучами солнца.

— Вечером задержусь, — сказал Игорь, вставая. — У нас сделка, нужно заверить документы.

— Хорошо, — сказала Марина.

Он ушёл, и квартира стала тише. Марина убрала со стола, помыла посуду, вытерла столешницу. Всё по порядку. Всё по местам. Квартира в центре Москвы, сто двадцать квадратных метров, три комнаты, ремонт пять лет назад — светлые стены, дорогая мебель, картины, которые выбирал дизайнер. Ни одной вещи, которую она выбрала сама. Ни одной детали, которая говорила бы: здесь живёт Марина.

Она прошла в гостиную, села на диван. Взяла книгу с журнального столика — что-то из модного, что подруга посоветовала, — и открыла на закладке. Прочитала абзац. Потом ещё один. Слова складывались в предложения, но смысл не доходил. Она закрыла книгу и положила обратно.

В десять пришла Люда, уборщица. Марина ушла в спальню, чтобы не мешать. Легла на кровать, смотрела в потолок. Слушала, как Люда шуршит пылесосом в коридоре, как звенят тряпки в ванной. В одиннадцать Люда ушла, и квартира снова стала тихой и пустой.

Марина встала, оделась. Серое платье, чёрные туфли на низком каблуке, жемчужные серьги — подарок Игоря на сорокалетие. Накрасила губы нейтральной помадой, взяла сумку. Вышла.

Москва встретила её прохладным ветром и серым небом. Сентябрь. Листья только начинали желтеть, асфальт был мокрым после ночного дождя. Она прошла пешком до «Пушкин-

ской», спустилась в метро. Села в вагон, поехала на «Кропоткинскую». Выставка в Музее изобразительных искусств — импрессионисты, что-то про Моне и Ренуара. Она купила билет, прошла в зал.

Люди стояли перед картинами, рассматривали мазки, читали таблички. Марина остановилась перед полотном — женщина в белом платье, сад, солнечный свет сквозь листву. Красиво. Наверное. Она не чувствовала ничего. Постояла минут пять, перешла к следующей картине. Потом к следующей. Прошла два зала, устала и вышла.

На улице достала телефон. Три пропущенных от Оксаны. Подруга. Вернее, женщина, с которой она дружила ещё в университете, и которая теперь звонила раз в неделю, чтобы рассказать про своих детей, мужа, новую машину. Марина перезвонила.

— Мариш, привет! — голос Оксаны был громким, жизнерадостным. — Как ты? Ты где?

— Гуляю, — сказала Марина. — Была в музее.

— Слушай, у нас сегодня вечером день рождения у Лёшкиного партнёра, придёшь? Игоря тоже зови, давно не виделись.

— Игорь задерживается на работе.

— Ну ты-то приходи! Будет весело, там куча народу, Серёжа обещал шашлыки на балконе жарить. Ты же помнишь Серёжу?

Марина не помнила Серёжу. Она вообще плохо помнила лица людей, с которыми виделась на этих вечерах — дни рождения, корпоративы, застолья. Все одинаковые. Все вежливо улыбались, говорили о недвижимости, отпусках, детях. Она сидела, пила вино, кивала в нужных местах.

— Приду, — сказала она.

— Супер! Значит, в семь, адрес скину. Целую!

Оксана повесила трубку. Марина убрала телефон и пошла по Волхонке пешком. Зашла в кафе, заказала капучино. Села у окна, смотрела на прохожих. Молодая пара целовалась у светофора — он обнимал её за талию, она смеялась, запрокинув голову. Марина смотрела на них и вспомнила, что не помнила, когда Игорь обнимал её в последний раз. Просто так. Не из вежливости, не для фотографии на каком-нибудь мероприятии. Просто обнял и не отпускал.

Она допила кофе и вышла. Вернулась домой к трём. Игоря не было. Она разогрела суп, который Люда оставила в холодильнике, поела, помыла тарелку. Легла на диван, включила телевизор. Какое-то ток-шоу — люди кричали, размахивали руками, обвиняли друг друга в чём-то. Она переключила. Сериал. Переключила. Новости. Выключила.

В шесть начала собираться. Переделась — чёрное платье, чуть выше колена, те же жемчужные серьги. Подвела глаза, освежила помаду. Посмотрела на себя в зеркало. Женщина в чёрном платье. Жена нотариуса. Гостя на дне рождения.

Игорь пришёл в семь, когда она уже была готова уходить.

— Ты куда? — спросил он, снимая пальто.

— К Оксане. День рождения у знакомого. Ты же сказал, что задержишься.

— Да, задержусь. Иди.

Он прошёл на кухню, не поцеловав её на прощание. Марина вышла из квартиры, закрыла дверь.

Вечер у Оксаны был таким, как она ожидала. Квартира на Кутузовском, большая, шумная. Человек тридцать — лица, имена, рукопожатия. Марина улыбалась, отвечала на вопросы. Как Игорь? Хорошо. Как дела? Хорошо. Работаешь? Нет, не работаю. А чем занимаешься? Да так, благотворительностью немного, хожу на выставки. Интересно! Да, интересно.

Она выпила бокал вина, потом второй. Стояла у окна, смотрела на Москву-реку — огни, мосты, машины. Кто-то подошёл, заговорил про отпуск в Турции. Она кивала, поддакивала. Потом кто-то другой — про ремонт, про то, как трудно найти нормальных рабочих. Она кивала.

В одиннадцать вышла на балкон покурить. Она не курила лет пятнадцать, но сейчас взяла сигарету у какого-то мужчины в джинсах и затянулась. Голова закружилась. Дым был горьким, противным. Она докурила до фильтра, бросила окурочек в пепельницу.

— Плохо? — спросил мужчина в джинсах. Лет пятидесяти, седые виски, добрые глаза.

— Нормально, — сказала Марина.

— Не похоже. Ты вся напряжённая, как струна.

Она посмотрела на него. Он улыбался. Не заигрывал, не лез. Просто смотрел, как смотрят на человека, который устал.

— Просто долгий день, — сказала она.

— Понимаю, — сказал он. И больше ничего не спросил.

Она вернулась в квартиру, попрощалась с Оксаной, вызвала такси. Ехала домой молча, смотрела в окно. Москва мелькала за стеклом — проспекты, переулочки, дворы. Огромный город, миллионы людей, и она одна из них. Марина Светлова, сорок лет, замужем, живёт в центре, ни детей, ни работы, ни желаний.

Игорь спал, когда она вернулась. Она разделась, умылась, легла рядом. Лежала с открытыми глазами, слушала его дыхание. Ровное. Спокойное. Чужое.

И тогда она подумала: вот так я проживу ещё двадцать лет. Ещё тридцать. До самой смерти. Буду просыпаться в шесть тридцать, варить кофе, ходить на выставки, сидеть на днях рождения у Оксаны. Буду улыбаться, кивать, отвечать «хорошо» на вопрос «как дела». И однажды умру, и никто не заметит разницы.

Она закрыла глаза. Уснула не сразу. А когда уснула, ей снился пустой белый потолок без трещин.

ГЛАВА 2

Жемчуга и пустота

Марина застегнула жемчужное кольцо на шее и посмотрела в зеркало. Женщина в чёрном платье, с безупречной укладкой и матовой помадой оттенка увядшей розы смотрела в ответ. Незнакомка. Красивая, ухоженная незнакомка, которая вот уже двадцать лет живёт в её теле.

— Ты готова? — донеслось из коридора.

Игорь стоял у двери, застёгивая запонки. Тёмно-синий костюм сидел на нём идеально — портной на Тверской знал своё дело. Седина у висков придавала солидности. Нотариус Светлов, уважаемый человек, член совета благотворительного фонда «Надежда детям». На таких мужчинах держится порядок в стране.

— Да, — сказала Марина и взяла клатч с комода.

В машине они молчали. Игорь вёл свой «Мерседес» уверенно, не превышая скорость, не нервничая на светофорах. Идеальный водитель. Идеальный муж. Марина смотрела в окно на вечернюю Москву — огни витрин, люди на тротуарах, пары, идущие под руку. Ей вдруг захотелось открыть дверь на ходу и выйти. Просто выйти и пойти куда-нибудь. Куда угодно.

— Сегодня будет Ирина Борисовна, — сказал Игорь, не отрывая взгляда от дороги. — Она хочет обсудить с тобой новогодний аукцион. Постарайся быть... убедительной.

Марина кивнула. Ирина Борисовна Крылова, жена владельца сети аптек, женщина с манерами цербера и кошельком размером с бюджет небольшого города. Благотворительность для неё — это способ мелькать в светских хрониках и чувствовать себя важной. Марина это понимала. Игорь это понимал. Ирина Борисовна, наверное, тоже понимала. Но все делали вид, что помогают детям.

Ресторан встретил их приглушённым светом люстр, запахом дорогих духов и бормотанием десятков голосов. Зал был полон — мужчины в костюмах, женщины в вечерних платьях, официанты скользили между столами с подносами шампанского. Марина взяла бокал автоматически. Первый глоток обжёг горло холодом и пузырьками.

— Марина, дорогая! — Ирина Борисовна возникла перед ней, как фрегат в открытом море. Широкая, в платье цвета бордо, с бриллиантами в ушах размером с перепелиное яйцо. Она чмокнула Марину в щёку, оставив след помады, пахнувшей чем-то приторным. — Как ты выглядишь! Просто картинка. Игорь, ты молодец, жену бережёшь.

Игорь улыбнулся натянуто и кивнул. Марина знала эту улыбку — это улыбка человека, который терпит. Терпит Ирину Борисовну, терпит эти вечера, терпит необходимость быть здесь. Он терпел её, Марину, так же? Наверное, да. Наверное, уже давно.

— Ирина Борисовна, я слышала, вы хотели обсудить аукцион, — сказала Марина, включая автопилот.

— Да, да, конечно! Я думаю, нам нужно что-то грандиозное. В прошлом году у нас было скучно. Картины, украшения — всё это уже приелось. Я предлагаю выставить на торги... — Ирина Борисовна сделала паузу, наслаждаясь вниманием, — ...встречу с известным актёром. Или певцом. Представляешь? Ужин с кумиром! Люди с ума сойдут.

Марина представила. Богатые дамы, визжащие над бокалами, актёр с вымученной улыбкой, фотографии в соцсетях. «Я помогла детям». Тошнота подкатила к горлу.

— Прекрасная идея, — сказала она ровным голосом. — Давайте обсудим детали на следующей неделе.

Ирина Борисовна расплылась в довольной улыбке и уплыла к другому столику. Марина допила шампанское и взяла второй бокал. Потом третий.

Вечер тянулся. Речи, тосты, показ слайдов с фотографиями детей из детских домов. Дети улыбались с экрана — слишком широко, слишком старательно. Марина знала, что после этого вечера на счёт фонда поступит энная сумма, часть из которой уйдёт на зарплаты сотрудникам, часть на аренду офиса, часть на организацию следующего мероприятия. Детям достанется процентов двадцать. Может, тридцать. Но всем будет спокойно — мы же помогаем.

— Марина Игоревна, — рядом материализовался мужчина лет пятидесяти с лицом, красным от коньяка. Кажется, его звали Олег. Или Антон. Он был кем-то важным в каком-то банке. — Вы сегодня просто ослепительны. Разрешите пригласить вас на танец?

Марина посмотрела на него. Красное лицо, влажные глаза, запах алкоголя и табака. Он держал руку на спинке её стула чуть ниже, чем следовало.

— Благодарю, но я плохо себя чувствую, — сказала она и встала.

Игорь был занят разговором с каким-то депутатом. Они стояли у окна, курили сигары, обсуждали что-то серьёзное. Марина прошла мимо них к выходу. Никто не заметил.

Она оказалась на улице. Сентябрьский воздух был прохладным и влажным, пах дождём и выхлопными газами. Марина прислонилась к стене ресторана, закрыла глаза. Жемчужное кольцо давило на шею. Она растегнула его, сунула в клатч. Стало легче дышать.

— Не нравится внутри? — спросил чей-то голос.

Марина открыла глаза. Рядом стояла девушка лет двадцати пяти, в кожаной куртке и джинсах. Она курила, глядя на неё с любопытством.

— Работаете там? — кивнула девушка в сторону ресторана.

— Нет. Я гость.

— А-а, — протянула девушка и усмехнулась. — Понятно. Тоже задыхаетесь?

Марина посмотрела на неё внимательнее. Короткие тёмные волосы, пирсинг в носу, уверенный взгляд. Эта девушка знала, чего хотела. Или, по крайней мере, делала вид, что знает.

— Да, — призналась Марина. — Задыхаюсь.

— Понимаю. Я тут официантом подрабатываю. Смотрю на них и думаю: неужели они счастливы? Или просто привыкли притворяться?

Марина не ответила. Потому что не знала ответа. Она притворялась так долго, что забыла, где заканчивается игра и начинается она сама.

— Вам холодно, — заметила девушка. — Идите внутрь. А то муж потеряет.

Марина хотела возразить, что муж её не потеряет, потому что не искал, но промолчала. Она кивнула девушке, развернулась и вошла обратно.

В зале играла музыка. Пары танцевали — медленно, чинно, как на выпускном балу в советской школе. Игорь стоял у бара, разговаривал с Ириной Борисовной. Марина подошла к нему, коснулась локтя.

— Я хочу домой, — сказала она тихо.

Игорь посмотрел на неё с лёгким раздражением.

— Мы только приехали.

— У меня болит голова.

Он вздохнул. Ирина Борисовна смотрела на них с интересом.

— Хорошо. Подожди десять минут, я попрощаюсь.

Десять минут растянулись на двадцать. Марина стояла у окна, глядя на город. Москва сияла огнями — миллионы окон, миллионы жизней. Где-то там люди любили, ссорились, занимались сексом, плакали, смеялись. Где-то там была настоящая жизнь. А она здесь, в этом зале, среди жемчугов и пустых слов.

Когда они наконец выехали, Игорь молчал. Молчал всю дорогу до дома. Молчал в лифте. Только когда они вошли в квартиру, он наконец заговорил:

— Ты могла бы потерпеть. Это важно для меня.

— Прости, — сказала Марина механически.

Игорь прошёл в спальню, не раздеваясь, лёг на кровать и уткнулся в телефон. Марина разделась, сняла макияж, надела халат. Встретилась взглядом со своим отражением. Лицо без косметики казалось усталым, чужим. Сорок лет. Половина жизни прожита. А вторая половина?

Она вышла на балкон. Ночной воздух был ещё холоднее, чем вечером. Москва шумела внизу, не затихая ни на минуту. Марина достала из клатча жемчужное кольцо, подержала на ладони. Тяжёлое, дорогое. Игорь подарил на годовщину свадьбы. Десять лет назад. Или пятнадцать? Она не помнила.

Марина сжала кольцо в кулаке и вдруг подумала: а что, если его выбросить? Просто разжать пальцы и отпустить? Что изменится? Игорь не заметит. Ирина Борисовна не заметит. Никто не заметит.

Она разжала ладонь, посмотрела на жемчужины. Они лежали на коже, холодные и гладкие. Красивые. Мёртвые.

Марина развернулась и вошла в квартиру. Положила кольцо на комод, легла в постель рядом с Игорем. Он даже не пошевелился. Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шёл.

Потому что где-то глубоко внутри, в месте, которое она старательно игнорировала долгие годы, что-то проснулось. Что-то голодное и злое. Что-то, что требовало больше, чем жемчуга и пустота.

ГЛАВА 3

Без слёз

Игорь сказал это за ужином.

Марина резала баклажан — мелко, кубиками, как он любил, потому что за двадцать лет она запомнила всё: что он любит баклажаны кубиками, а кабачки кружочками, что терпеть не может, когда она надевает серьги с бирюзой, и что по субботам он не разговаривает до десяти утра, потому что в субботу он имеет право на тишину.

— Я уезжаю, — сказал Игорь. — На Бали. С Леной.

Марина подняла глаза. Он сидел напротив, в своём кресле — массивном, кожаном, которое она выбирала три года назад в салоне на Тверской. Тогда продавец уверял, что кожа итальянская, выделанная вручную, и Игорь кивал, важный, потому что итальянская кожа — это серьёзно. Теперь он сидел в этом кресле, положив ладони на подлокотники, и смотрел на неё так, будто объявлял о повышении налогов.

— Лена — это секретарша? — спросила Марина. Нож застыл в её руке.

— Администратор. Ты же знаешь.

Марина знала. Лена работала в конторе Игоря четыре года. Миниатюрная, с длинными ногтями, всегда в узких юбках и с улыбкой, от которой хотелось прищуриться — слишком белые зубы, слишком ровные. На корпоративе в прошлом году она танцевала с Игорем, и Марина видела, как он положил руку ей на поясницу — не высоко, не на талию, а именно на поясницу, пальцы почти касались ягодиц. Тогда Марина подумала: надо бы что-то сказать. Но не сказала. Потому что это было бы смешно — ревновать в сорок лет к девочке, которая могла быть её дочерью.

— Когда? — спросила она.

— В пятницу.

Сегодня был вторник.

Марина медленно опустила нож на разделочную доску. Баклажан был порезан напополам — одна часть кубиками, вторая лежала целиком, фиолетовая, блестящая. Она посмотрела на эту половину и подумала, что теперь уже всё равно. Можно резать как угодно.

— Ты продаёшь квартиру? — спросила она.

— Нет. Квартира твоя. Я переведу деньги на счёт — на первое время. Потом решим.

Игорь говорил ровно, без пауз, будто зачитывал договор. Наверное, он репетировал. Марина представила, как он стоит перед зеркалом в ванной, смотрит на себя и шевелит губами: «Я уезжаю. С Леной. Квартира твоя». Может, Лена сидела рядом на краю ванны, кивала, подсказывала: «Скажи, что переведёшь деньги. Так будет правильно».

— Ты её любишь? — спросила Марина.

Игорь поморщился. Он всегда морщился, когда она говорила о чувствах. Чувства для него были чем-то неудобным, как грязная обувь в прихожей — вроде бы естественно, но лучше бы этого не было.

— Марина, — сказал он. — Мне пятьдесят лет. Я хочу жить.

Она усмехнулась. Тихо, почти неслышно, но он услышал и нахмурился.

— Что смешного?

— Ничего, — сказала Марина. — Просто ты всегда хотел жить правильно. А теперь — жить. Это прогресс.

Игорь поджал губы. Он не любил, когда она язвила. Впрочем, она почти никогда не язвила, потому что это было бессмысленно — он всё равно не понимал. Он понимал договоры, доверенности, пункты и подпункты. Всё остальное было для него шумом.

— Я не хочу ссоры, — сказал он. — И я не хочу, — сказала Марина.

Она встала, взяла тарелку с нарезанным баклажаном и высыпала его в мусорное ведро. Игорь проводил её взглядом, но ничего не сказал. Может, подумал, что она сейчас разрыдается, швырнёт тарелку в стену, закричит. Марина сама думала, что сейчас что-то должно произойти — слёзы, истерика, хоть что-то. Но внутри было пусто. Не больно. Пусто.

Она подошла к окну. Седьмой этаж, вид на Тверской бульвар. Сентябрь только перевалил за середину: деревья начинали желтеть, после дождя блестел мокрый асфальт, редкие прохожие торопились в лёгких куртках. Марина прижала ладонь к стеклу. Холодное.

— Я не плачу, — сказала она.

— Что?

Она обернулась. Игорь смотрел на неё с недоумением.

— Я не плачу, — повторила Марина. — Двадцать лет. Ты уходишь. А я не плачу.

Игорь молчал. Потом встал, прошёл на кухню, достал из холодильника бутылку минералки, налил себе в стакан. Выпил залпом. Поставил стакан на стол — громко, резко.

— Ты хотела сказать что-то конкретное? — спросил он.

Марина рассмеялась. Негромко, но он вздрогнул — она редко смеялась. Вообще редко.

— Нет, — сказала она. — Ничего конкретного. Просто... интересно. Я думала, что мне будет больно. А мне легко.

Игорь нахмурился.

— Легко?

— Да, — сказала Марина. — Будто я двадцать лет носила пальто на два размера меньше.

И вот его наконец сняли.

Игорь поставил бутылку обратно в холодильник. Закрыв дверцу. Повернулся к ней.

— Значит, тебе всё равно, — сказал он.

— Наверное, — сказала Марина. — Наверное, всё равно.

Он кивнул. Один раз, коротко. Потом прошёл мимо неё в коридор, взял куртку с вешалки.

— Я у Лены, — сказал он. — Если что-то срочное — звони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.